

Научная статья

УДК 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-146-158>

«ВОСПОМИНАНИЯ» В. В. ВЕРЕСАЕВА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

**Дмитрий Анатольевич
Романов**

Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого
Тула, Россия, kafrus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Аннотация. «Воспоминания» В. В. Вересаева рассматриваются с точки зрения их лингвистических характеристик и с позиции их возможного использования в дидактических пособиях по русскому языку и стилистике для школьников. Будучи ценным источником наблюдений над преобразованиями отечественного языка и литературного стиля рубежа XIX – XX вв., текст «Воспоминаний» Вересаева может служить как сугубо научным, так и учебным целям.

Он вписан в традицию российского биографического повествования о ребенке и подростке, заложенную Л. Н. Толстым и продолженную писателями-классиками второй половины позапрошлого столетия (С. Т. Аксаковым, Н. Г. Гаринным-Михайловским и др.). Текст отвечает всем канонам жанра и оформлен с использованием традиционных композиционных приемов и языковых средств точного воспроизведения психологических особенностей нарратора детского и подросткового возраста. В его лексическом составе отражены социальные характеристики провинциальной дворянской интеллигенции дореволюционной России, особенности региональной разновидности русского языка, интеллигентского просторечия и многие яркие речевые черты эпохи 1870–1880-х гг.

Идиостиль Вересаева отражает не только его социальное происхождение и высокий уровень полученного образования, но и специфику его литературной деятельности, начавшейся достаточно рано. Много занимаясь переводами, писатель оттачивал синтаксические черты своего художественного мастерства. Именно поэтому языковая ткань «Воспоминаний» отличается разнообразием конструктивных особенностей, частотным применением риторических фигур и их комбинаций, целенаправленным варьированием порядка слов.

Нормативный характер лексического и грамматического оформления текста Вересаева делает его потенциальным источником обучающих заданий для современных школьников. Ненавязчивая дидактичность стиля, занимательность содержания, историко-краеведческий компонент «Воспоминаний» позволяет успешно включать их отдельные композиционные фрагменты в образовательный процесс.

Ключевые слова: лингвистика, лингводидактика, текст, жанр, идиостиль, психологизм, композиция, лексика, синтаксис, риторические фигуры.

Благодарности: Статья подготовлена в рамках реализации гранта «Смысловое чтение в современной школе: разработка дидактических основ и издание учебного комплекса в помощь участникам проекта ПРО-стажер».

Для цитирования: Романов Д. А. «Воспоминания» В. В. Вересаева как лингвистический и лингводидактический источник // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2025. Вып. 1 (21). С. 146–158. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-146-158>

Сведения об авторе: Д. А. Романов – доктор филологических наук, профессор, руководитель Центра русского языка и региональных лингвистических исследований, Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого, 300026, Россия, Тульская область, г. Тула, проспект Ленина, 125.

© Романов Д. А., 2025

Scientific Article

UDC 811.161.1

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-146-158>

“MEMORIES” BY V. V. VERESAEV AS A LINGUISTIC AND LINGUO-DIDACTIC SOURCE

Dmitriy A. Romanov

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University
Tula, Russia, kafrus@rambler.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9650-3408>

Abstract. The article considers V. V. Veresaev’s “Memories” from the point of view of its linguistic characteristics and from the position of possible use in didactic manuals on the Russian language and stylistics for schoolchildren. Being a valuable source of observations on the transformations of the national language and literary style at the turn of the 19th – 20th centuries, the text of “Memories” by Veresaev can serve both purely scientific and educational purposes. It fits into the tradition of Russian biographical narration about a child and a teenager, established by L. N. Tolstoy and continued by classic writers of the second half of the century before last (S. T. Aksakov, N. G. Garin-Mikhaylovsky, etc.). The text complies with all the canons of the genre and is designed using traditional compositional techniques and linguistic means of accurately reproducing the psychological characteristics of the narrator of children and adolescents. Its vocabulary reflects the social characteristics of the provincial noble intelligentsia of pre-revolutionary Russia, the peculiarities of the regional variety of the Russian language, intelligentsia colloquialism and many vivid speech features of 1870–1880s.

Veresaev’s individual style reflects not only his social background and high level of education, but also the specifics of his literary activity, which began quite early. Doing a lot of translations, the writer honed the syntactic features of his creative writing skill. That is why the linguistic design of “Memories” is characterized by a variety of constructive features, frequent use of rhetorical colours and their combinations, purposeful variation of word order.

The normative nature of the lexical and grammatical design of Veresaev’s text makes it a potential source of educational tasks for modern schoolchildren. The unobtrusive didacticism of the style, the entertaining content, the historical and local history component of “Memories” allows their individual compositional fragments to be successfully included in the educational process.

Keywords: linguistics, linguo-didactics, text, genre, individual style, psychologism, composition, vocabulary, syntax, rhetorical colours.

Acknowledgements: The article was prepared as part of the grant “Semantic reading in a modern school: the development of didactic foundations and the publication of a training package to help participants in the PRO-intern project”.

For citation: Romanov, DA 2025, “‘Memories’ by V. V. Veresaev as a Linguistic and Linguo-Didactic Source”, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 1 (21), pp. 146–158, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2025-1-146-158> (in Russ.)

Information about the Author: *Dmitriy A. Romanov* – Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Center for the Russian Language and Regional Linguistic Studies, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University, 125, Lenin Prospect, Tula, 300026, Russia.

Введение

Первый вариант своих «Воспоминаний» В. В. Вересаев закончил к 1929 г., когда в издательстве «Недра» вышла вторая часть его записок о прошлом под названием «В студенческие годы». Первую же книгу «В юные годы» Вересаев издал накануне своего шестидесятилетия – в 1927 г. Приведенные даты делают вполне очевидным тот факт, что «Воспоминания» писателя являются рубежным произведением в его творчестве, подведением определенных итогов, касающихся не только мировоззрения автора, но и сформировавшегося художественного мастерства, индивидуального языкового стиля, представления о собственном месте в истории отечественной словесности. Шестидесятилетний возраст для любого автора, действующего в литературе с молодых лет, выглядит как значительный рубеж, вершина его зрелости, когда достигнуто достаточно много и уже сложившиеся аналитические навыки, в том числе рефлексивные, могут дать читателям много полезного.

В 1930-е гг. Вересаев еще раз отредактировал текст «Воспоминаний», приобретший с этого времени канонический вид. Именно по этой редакции, завершенной к 1935 г., «Воспоминания» писателя полностью или частично печатаются до настоящего времени, приобретая статус ценного источника для различных направлений гуманитарного знания. Они отвечают основному требованию научной аксиологии: «Высшая точность в философии, в истории, в филологии – это точность самой мысли, зоркость восприятия, опирающегося на достоверность изучаемого текста и связанных с ним обстоятельств и фактов» [15, с. 8].

Материалы и методы

«Воспоминания» Вересаева интересны как с точки зрения биографической фактологии рода Смидовичей, так и с точки зрения зафиксированной в них истории Тульского края рубежа XIX–XX вв., а также с точки зрения писательских приемов и языковых средств, которые прочно вошли в творческий арсенал Вересаева и которые можно считать им до конца освоенными. Именно поэтому «Воспоминания» являются одновременно ценным лингвистическим и интересным лингводидактическим источником. Последнее важно потому, что может продемонстрировать на уроках словесности образцы языкового стиля крупного русского писателя-классика. В настоящее время такая демонстрация на занятиях в образовательных учреждениях особенно важна, потому что образцы подлинно богатого художественного стиля, использующего все ресурсные возможности языка, современному учащемуся практически неизвестны.

Вересаевский материал актуален для современной лингводидактики еще и потому, что автор представляет собой языковую личность, в равной степени принадлежащую XIX и XX вв., т. е. Вересаев – это «близкий» классик, который пережил основные события прошедшего столетия: революцию, Гражданскую и Великую Отечественную войны. В этом отношении он если не современник, то во всяком случае очень близкий по хронологии к нынешним учащимся прозаик. Приведенное замечание обуславливает то, что фрагменты воспоминаний Вересаева активно привлекаются к разработке дидактических материалов для студентов-филологов ТГПУ им. Л. Н. Толстого, участвующих в реализации проекта ПРО-стажер.

Результаты

Лингвистический материал произведений В. В. Вересаева, и «Воспоминаний» в частности, выглядит на карте идиостилей русских писателей и на векторе развития русского литературного языка как вполне самостоятельная и заметная единица, потому что языковой стиль Вересаева совмещает в себе лучшие черты классического языка отечественной литературы XIX в. (Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова) и новаторские явления XX в., который своими тектоническими социальными сдвигами существенно изменил литературный язык и стиль. Таким обра-

зом, положение Вересаева как мастера русского слова – это положение рубежное между двумя веками, – положение, отражающее канонические черты языка, стиля и поэтики русской классики как XIX, так и XX столетий.

Довольно обширные по объему «Воспоминания» Вересаева (свыше 300 печатных страниц) отражают показательные явления всех языковых уровней. Кроме того, в них достаточно много характерных отечественной литературной поэтике приемов изображения тех или иных жизненных реалий, феноменов человеческого сознания, знаковых деталей межличностной коммуникации и т. д. Все названное заслуживает внимания не только сугубо лингвистического, но и педагогического, поскольку несет в себе значительный обучающий и воспитательный потенциал. Так, в первой части своей книги Вересаев рисует преимущественно детские и подростковые годы. В этом отношении его биографическое повествование продолжает целую линию в русской литературе, начатую в конце 1850-х гг. «Детством» и «Отрочеством» Л. Н. Толстого и продолженную повествованиями о ребенке и подростке С. Т. Аксакова, Н. Г. Гарина-Михайловского, А. Н. Толстого, А. М. Горького и др. Вересаев – замечательный мастер воспроизведения детской психологии. Вслед за названными выше писателями-классиками, он, по его собственному утверждению, стремился воплотить «душу мальчика», а поскольку этим мальчиком является в прошлом сам автор, то эту душу он «имел возможность наблюдать ближе, чем чью-либо иную» [4, с. 12].

Открытый биографический контекст, составляющий неотъемлемый атрибут поэтики воспоминаний как таковых, дает возможность Вересаеву быть предельно откровенным в отношении отражения чувств и переживаний ребенка. Писатель достаточно точно обозначает сам феномен отсроченного воспроизведения собственной детской психологии: «...далеко в глубине души, в очень темном ее уголке, прячется сознание, что я все тот же мальчик Витя Смидович; а то, что я “писатель”, “доктор”... – все это только нарочно; немножко поскрести – и осыплется шелуха, выскочит маленький мальчик...» [4, с. 9]. Такой подход делает произведение Вересаева не просто разновидностью мемуарного жанра, а в полном смысле художественным творением, потому что главным для писателя является не только и не столько рассказ о событиях прошлого, сколько воспроизведение точки зрения на это прошлое, психологической рамки событий, которая и составляет основную характеристику художественного произведения.

Само хронологическое представление о прошлом Вересаев базирует именно на человеческой психологии, т. е. поступает не как историк событий, а как писатель. Показательно такое его замечание: «Счисление я буду вести по своему возрасту, это – единственное счисление, которое применяет ребенок» [4, с. 17]. То есть Вересаев избирает для своих воспоминаний призму не взрослого, а детского сознания, что и ставит его произведения в один ряд с художественными произведениями о детстве и отрочестве.

С определенной периодичностью в тех или иных местах текста Вересаев заостряет внимание на том, что перед читателем попытка реконструкции детского сознания, построенная не просто на свойствах памяти, но и на попытке оживить прошлые чувства, впечатления, восприятия. Писатель замечает: «До сих пор мне странно вспомнить, как остро пронзала мне в детстве душу всякое переживание обиды, горя, страха или радости, – какая быстрая, судорожная дрожь охватывала всю душу и трепала ее как в жесточайшей лихорадке» [4, с. 76]. В другом месте он как бы снова подтверждает этот свой подход, связанный с памятью чувства: «Странно, когда теперь вспоминаешь молодость: как тогда глубоко и больно вжигались в душу все переживания!» [4, с. 87].

Неслучайно Вересаев использует метафорические глаголы интенсивного воздействия *пронзала, вжигались*, развившие переносные значения достаточно поздно [5, с. 860; 9, с. 150]: это не только психологические зарубки, оставшиеся в памяти, но и объективные показатели, сохранившиеся в психике уже взрослого человека, позволяющие ему достоверно воспроизвести картины детства. Этим художественный мир воспоминаний Вересаева особенно ценен и оригинален.

Писатель делает много самобытных замечаний о разных периодах взросления человека, пользуясь сугубо писательским арсеналом художественных средств (например, метафорикой и символикой он добивается предельной точности излагаемого). Примером подобного точного, максимально правдивого замечания служит такая характеристика подросткового возраста, данная с помощью символического сравнения: «Страшный этот возраст мальчика между четырнадцатью и шестнадцатью годами: в эти годы как будто все черти срываются с цепей, а все добрые гении сконфуженно отлетают прочь» [4, с. 100].

Вересаев удивительно точно воспроизводит мир детских игр, фантазий, особое образное видение окружающей действительности, которая для ребенка населена сказочными существами, героями приключенческих рассказов, отважными мореплавателями, путешественниками и т. д. Сознание мальчика Вити ориентировано на персонажей любимых книг, которые он читал с ранних лет, и в этом отношении вересаевский текст может быть весьма поучителен для современных школьников: книги дают богатую пищу для развития интеллекта, души и творческих способностей человека, учат его неординарному мышлению, помогают находить выходы из трудных ситуаций. Это всегда ценилось и ценится в социуме. То, что сейчас называется *креативностью*, воспитывается развитием кругозора ребенка. Герой «Воспоминаний» чувствует себя то отважным флибустьером, то храбрым «козаком» из отряда Тараса Бульбы, то защитником православной веры на Балканах и т. д. и т. п.

Показательно, что за каждой детской ролью стоит не просто какой-либо литературный или исторический сюжет, но и система языкового представления мира, потому что конкистадоры говорили совсем не так, как греческие повстанцы, а храбрые суворовские солдаты выражали свои мысли и переживания совершенно в ином стиле, чем английские моряки. Стилистическое многообразие внутреннего мира ребенка у Вересаева создается во многом благодаря приведенным выше многочисленным языковым картинам действительности – разных эпох, разных народов, разных источников. Вересаевский текст во многом позволяет не только оценить это, но и научиться владеть языком в разных системах стилистических координат. Именно поэтому подобные фрагменты можно включать в качестве источников для заданий по элементарной стилистике для учащихся средних и старших классов школы.

Важное место в композиции произведения составляют авторские отступления так называемого «технологического характера». Это можно отнести к числу стилистических характеристик самого жанра воспоминаний. Общеизвестно, что их ценность повышается всегда, когда задействуется живое авторское начало, индивидуальное впечатление, личностные «зацепки», сохраняющие подлинные черты живой реальности. Эффект воспоминаний – конструирование жизни на глазах у читателей, которые таким образом активно вовлекаются в происходящее. Так, Вересаев сознательно отходит от художественного принципа последовательного и связного рассказа, выбирая мозаичность событийных и эмоциональных зарисовок, о чем и сообщает читателю: «...прекращаю связный рассказ. Буду в хронологическом порядке передавать эпизоды так, как они всплывают в памяти, и не хочу разжижать их водою для того, чтобы дать связное повествование» [4, с. 19].

Особенно интересен прием воплощения деталей, которые в сознании ребенка как-либо искажают реальность. Этот эффект знаком любому человеку, сколько-

нибудь помнящему свои детские впечатления. Вересаеву не раз удастся воплотить это абсолютно точно. Крупный литератор, авторитетный пушкинист, уже умудренный опытом множества литературоведческих разысканий, Вересаев так пишет о своих детских впечатлениях: «Мой старший брат Миша в то время читал очень длинное стихотворение под заглавием «Евгений Онегин». Я случайно как-то открыл книгу и вдруг прочитал такой фрагмент...» [4, с. 74]. Автор сознательно не корректирует свои детские впечатления, несмотря на то, что он, конечно, понимает неточность и приближенность такого детского восприятия великой книги Пушкина.

Как любой классический текст, «Воспоминания» Вересаева дают богатейшее представление о лексике русского языка того периода времени, которое изображено в произведении. В данном случае мы говорим о семидесятих и восьмидесятих годах позапрошлого века. Несмотря на то, что писатель придерживается сугубо реалистических принципов повествования, а значит, здесь нет ничего экзотического или хронологически дезориентирующего читателя, тем не менее, текст «Воспоминаний» дает возможность сделать ряд интересных наблюдений именно над ограниченной в употреблении лексикой. В первую очередь это, конечно, касается разного рода архаизированных явлений и региолекта.

Например, рассказывая об общественных начинаниях матери, Вересаев пишет: «...мама в течение нескольких лет содержала детский сад – совершеннейшая тогда новинка, в Туле небывалая. Мама перед тем специально ездила в Москву и прошла там курс фрёбелевских наук» [4, с. 25]. Перед нами показательная языковая черта второй половины XIX в. – использование прилагательного *фрёбелевский*, в настоящее время являющегося историзмом. Данный отономастический (отантропонимический) дериват восходит к фамилии немецкого педагога и общественного деятеля Фридриха Фрёбеля (1782–1852), которому принадлежит идея создания воспитательных и образовательных учреждений для детей младшего возраста. Словосочетание *детский сад* является калькой аналогичного немецкого словосочетания, введенного именно Фрёбелем. Несмотря на то, что словосочетание *детский сад* прижилось в русском языке, его автор теперь практически неизвестен, а прилагательное *фрёбелевский*, в том числе в словосочетании *фрёбелевские науки* (т. е. науки о воспитании маленьких детей в коллективе), достаточно распространенное во второй половине XIX в., ныне стало языковой архаикой. Его не отмечает ни один из современных толковых словарей, хотя еще в «Толковом словаре» под редакцией Д. Н. Ушакова и в Большом академическом словаре русского языка первого издания это прилагательное фиксировалось: «*Фрёбелевский* – связанный с воспитанием детей дошкольного возраста» [13, с. 1115]. В наши дни оно присутствует только в энциклопедических изданиях [11, с. 631].

Примером регионализма является, например, словосочетание *пара на отлете*, относящееся к типу конской упряжи для езды в пролетке или легких санках. Рассказывая о тульском полицмейстере А. А. Тришатном, Вересаев замечает: «Один во всей Туле он разъезжал в санках, запряженных в пару на отлете: коренник, а с правой стороны, свернув шею кольцом, – пристяжная. Мчится, снежная пыль столбом, на плечах накидная шинель с пушистым воротником» [4, с. 74]. В речи туляков и жителей отдельных других регионов России второй половины позапрошлого века выражение *пара на отлете* (или *пара на отлет*) было ходовым (оно еще дважды встречается в тексте «Воспоминаний»). В региональном контексте попало оно и во фразеологический словарь, сопровождаемое примерами из Вересаева и Мамина-Сибиряка: «Запряжка в две лошади, состоящая из коренника и пристяжной» [14, с. 76]. Его региональный характер подтверждает отсутствие этого выражения в иллюстративной базе лексем *пара* и *отлет* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля [6] и словаря «Русская мысль и речь» М. И. Михельсона [10], куда

бы оно обязательно попало, если бы имело более широкое распространение. В настоящее время это устойчивое региональное словосочетание является устарелым.

Воспроизводимая писателем речь членов его семьи, однокашников по тульской классической гимназии дает представление об интеллигентском просторечии той эпохи, которое не зафиксировано лексикографическими источниками, а потому особенно интересно для лингвистов. В обиходе авторского круга используются такие слова, как *хорошился* в значении 'прихорашивался, внимательно следил за своей внешностью', *раззнакомиться* в значении 'перестать общаться', *тонный* – 'имеющий хороший тон, вкус, манеры' (вариант этого прилагательного – *бонтонный*, восходящий к французскому словосочетанию *bon ton* – 'хороший тон', 'хорошие манеры').

Вересаевский текст ценен с точки зрения языкового представления определенного социального круга – круга интеллигентного тульского дворянства второй половины XIX в. Различные лексические атрибуты этого круга в настоящее время воспринимаются как лингво-исторические характеристики. Например: *пукольки на висках* по отношению к прическе пожилых дам, *он был слишком ригористичен* в характеристике человека твердых взглядов, *преодолеет этот кунштюк* – о неожиданном затруднении, препятствии, сознательно созданном кем-то. *Пукольки* – «завитые кольцами пряди волос» (от французского *boucles* – 'локоны') [3, с. 102]; *ригористичный* – «непреклонно соблюдающий принципы, правила, преимущественно в вопросах нравственных» (от латинского *rigor* – 'твердость, строгость') [2, с. 668]; *кунштюк* – «проделка, ловкая шутка, каверза» (от немецкого *Kunststück* из *Kunst* – 'искусство' и *Stück* – 'проделка, выходка') [12, с. 328]. В связи с этим нужно отметить, что французские, немецкие и латинские слова в большом количестве представлены на страницах «Воспоминаний» Вересаева и характеризуют тот образованный круг людей, к которому принадлежит автор.

Уже отмечалось, что произведение Вересаева носит художественный характер. Языку писателя в целом свойственна сдержанная образность, уместность и небольшая концентрированность тропов. Вместе с тем их появление на страницах текста создает особый эффект – акцентирует отдельные фрагменты изображаемого, заостряет смыслы. В частности, рассказывая о своей первой любви к Маше Плещеевой, автор так рисует свое настроение в один из дней: «Такой пружинистый, напряженный восторг был в теле, – право, кажется, оттолкнулся бы для Маши от земли и кувырком понесся бы в мировые пространства» [4, с. 70]. Эпитеты, гипербола и метафора, сконцентрированные в этом фрагменте текста, дают необходимый автору художественный результат – воплощение животворящей и наполняющей энергией силы любви.

Следует отметить, что писатель предпочитал использовать сложные эпитеты, которые, по его замыслу, должны были максимально точно охарактеризовать произведенное на ребенка чем- или кем-либо впечатление. Вот два примера: *мне теперь было смутно-стыдно, в моем присутствии его лицо становилось каменно-неподвижным*.

Как правило, художественные средства языка у Вересаева носят не изобразительный, а именно акцентирующий характер. Нередко он использует прием отстранения: художественное средство делает привычную или знакомую ситуацию необычной, заставляет взглянуть на нее по-иному, другими глазами. Например, таковы многие глагольные метафоры Вересаева: при характеристике волнения («Я потерял дыхание, поймал его и продолжал...» [4, с. 77]); при описании растерянности и разочарования в себе («...вдруг это самопочитание начинало колебаться и уплывать, и охватывал стыд за себя...» [4, с. 104]); при рассказе об ученической бойкости («Я из этих повестей мог жарить наизусть целые страницы» [4, с. 99]). По-

следняя метафора носит просторечный характер, что для стиля Вересаева не слишком характерно и объясняется исключительно требованием контекста.

Синтаксис «Воспоминаний» носит абсолютно нормативный характер и может быть признан образцовым как показатель речи потомственного русского интеллигента, получившего регулярное и хорошее образование. В настоящее время практически любой отрывок из «Воспоминаний» может быть использован в дидактической практике для синтаксического анализа или как образец построения определенного сложного синтаксического целого, включая диалог.

Классический русский синтаксис художественного произведения построен по принципу обязательного учета прямого и обратного порядка слов. Любая инверсия в произведениях русской классики XIX – начала XX в. художественно обоснована и для чего-либо «нужна автору» [8, с. 218]. Текст Вересаева – подтверждение этой истины. Например, в рассказе о хозяйственных начинаниях отца автор так изображает их небольшую усадьбу: «*Были парники, была маленькая оранжерея. Смутно помню теплый, парной ее воздух, узорчатые листья пальм, стену и потолок из пыльных стекол...*» [4, с. 14]. Инверсия подлежащего и сказуемого в первом предложении способствует созданию особой перечислительной интонации, с помощью которой фиксируются те «значительные» преобразования, которые пытался осуществить отец и которые в итоге не увенчались успехом.

В другом примере при воспоминании об общении с семейством Конопацких Вересаев отмечает, что принятые у них игры воспринимались его сестрами как примитивные и неинтересные, и ему становилось странно, как они раньше могли производить на него впечатление: «Совсем оказалась неинтересной игра. Как же я этого сразу не заметил? *Очень я был сконфужен*» [4, с. 129]. Выдвижение на первое место в предложении обстоятельства меры и степени *очень* интенсифицирует речь и показывает большую силу рефлексивной работы, совершившейся в сознании автора. В целом, текст «Воспоминаний» дает много поводов для рассмотрения роли порядка слов в смысловых акцентировках предложения.

В вересаевском тексте встречаются разнообразные типы синтаксических конструкций, которые в той или иной степени этот текст организуют. В частности, можно отметить использование писателем именительного темы для смысловой группировки абзаца, где в центр рассуждения или повествования ставилось какое-либо событие, какой-либо человек и т. д. Например, рассказ об одном из хозяйственных партнеров отца Вересаев начинает с обозначения его фамилии, имени и отчества, как это делается в энциклопедиях: «...отец сильно увлекался садоводством. Дружил с местным купцом-садоводом Кондрашовым. *Иван Иванович Кондрашов*. Я звал его ...» [4, с. 14].

Нередки в повествовании Вересаева номинативные предложения, которые выполняют в том числе и функцию именительного темы, о чем говорилось выше. Например, так организован рассказ об имени Плещеевых, в котором братья Вересаевы отдыхали летом: «*Станция Лазарево. Блестящая пролетка с парой на отлете, кучер в синей рубашке и бархатной безрукавке, в круглой шапочке с павлиньими перьями. Мягкое покачивание, блеск солнечного утра...*» [4, с. 53]. И далее весь абзацный фрагмент организован Вересаевым только с помощью номинативных предложений. Вполне очевидно, что изобразительно-художественная и пейзажная функция синтаксической номинации диктует в данном случае Вересаеву форму его текста. Нужно отметить, что писатель весьма чуток к семантической и стилистической нагрузке русской грамматики в целом и синтаксиса в частности. Обозначенное качество текста также может быть предметом специального рассмотрения на занятиях по русскому языку в школе.

Языковое мастерство писателя состоит, например, в том, что он мог соединять в пределах абзаца разные типы односоставных предложений, используя это с целью создания особой «пружины» повествования, помогающей делать его динамичным, держать читателя «в тонусе» таким образом, чтобы грамматическое развертывание текста не было однообразным и надоедливым. Рассмотрим один из таких примеров: «Заморгал глазами, потянул в себя носом и, волоча ноги, побрел к себе за бузину. Опять попытался плакать. Ни слезинки! Делать нечего. Воровато огляделся, посплюннул пальцы...» [4, с. 72]. В приведенном абзаце совмещаются неполные предложения с пропущенным подлежащим, генитивное и безличное предложения. Такая грамматическая динамика, безусловно, создает нерв повествования, что в данном случае автору необходимо.

Поскольку жанр воспоминаний предполагает, помимо апелляции к индивидуальному опыту, включение в текст рассуждений, авторских оценок происходящих событий, общих умозаключений о жизни и характере взаимоотношений между людьми, то в нем обязательно должны присутствовать вводные и вставные конструкции, оформляющие размышления нарратора в связи с основным повествованием, а также определенные мысли, возникающие попутно с динамично развивающимися событиями. У Вересаева подобные вставные конструкции чаще всего выделяются скобками. Например, в таком синтаксическом варианте он приводит собственное замечание по поводу резкого высказывания аристократически напыщенного Володи Плещеева: «Он стал высокомернее, все говорил о Москве и о своей радости, что уезжает из этой дыры (Тулы. Почему дыра? ...). Постепенно застенчивость моя исчезла» [4, с. 70].

Поток авторского сознания, свойственный большинству глав «Воспоминаний» Вересаева, предполагает частую незавершенность, некую обрывочность мыслей, а потому синтаксис текста закономерно характеризуется обилием парцеллированных конструкций. Например: «И только в конце мая, перед отъездом своим в Богучарово, они пришли к нам. *Прощаться. Навсегда*» [4, с. 70]. В данном случае парцелляция подчеркивает растерянность и смятение чувств юного Вити, расстающегося с объектом своей первой влюбленности – Машей Плещеевой.

В другом случае парцеллированная конструкция, наоборот, нужна для того, чтобы показать напряженную работу автора, перед которым впервые открылся литературный талант: «Когда сочинилось четыре стиха с рифмами, я подбодрился и стал сочинять дальше. *С неделю сочинял. Старался, потел, падал духом и опять подбадривался*» [4, с. 111]. Выделение в самостоятельное предложение информации о времени показывает, насколько молодому человеку была важна эта творческая работа и насколько она казалась ему трудоемкой. В последнем парцеллированном предложении приведенного примера мы можем наблюдать характерный для вересаевского биографического повествования прием «нагнетения» однородных членов. Специфика использования идентичных компонентов состоит в том, что они позволяют компактно, но вместе с тем исчерпывающе по смыслу (и разветвленно) представлять происходящие события [1, с. 144]. Разумеется, в количественном отношении в тексте преобладают ряды однородных сказуемых, которые формально «свертывают» повествование, расширяя его семантически. Приведем два показательных примера, где автор характеризует своего отца: «И до последних дней он *кипел, искал, бросался* в работу, жадно *интересовался* наукою, *жалел*, что для нее так мало остается у него времени» [4, с. 11]. Аналогично: «...отец никому *не отказывал, шел* по первому зову и очень *был популярен* среди тульской бедноты» [4, с. 12].

Сложные предложения в синтаксической структуре вересаевского текста выполняют преимущественно художественно-выразительную функцию, поскольку дают разветвленную картину реальности, помогают творчески интерпретировать то,

что происходит вокруг. Например, в повествовании о летнем пребывании в небольшом имении Зыбино, где приходилось много и тяжело работать, автор использует такое бессоюзное сложное предложение, воплощающее напряженную динамику богатой трудами жизни: «Ложишься спать – только прикоснешься головой к подушке и проваливаешься в мягкую, сладостную тьму» [4, с. 139].

Разветвленные сложные предложения (в частности, сложные предложения с различными видами связи) помогают автору емко и разносторонне представить действительность и свои впечатления о ней. Вот пример из композиционной части текста, где описывается городская усадьба Смидовичей: «И были превосходнейшие места для всяких игр: под папиным балконом, например, темное низкое помещение, где нужно было ходить нагнувшись, где сложены были садовые лопаты, грабли, носилки, цветочные горшки и где в щели между досок ярко светило с улицы солнце, прорезывая темноту пыльно-золотыми пластинами» [4, с. 19]. Однородные элементы с союзным словом *где* особенно способствуют обрисовке целостной картины в описательных фрагментах текста [7, с. 60].

Вересаев использует все многообразие стилистических возможностей русского синтаксиса. Будучи переводчиком и хорошо зная классические риторические приемы, писатель нередко опирался на их выразительные возможности. В частности, в самом начале своего повествования, рассуждая о провинциальной жизни, которая, по мнению многих русских писателей, вытраивает из человека живую душу, Вересаев ставит цикл риторических вопросов, касающихся своего отца: «Когда мне приходилось читать статьи и повести о засасывающей тени провинциальной жизни, о гибели в ней выдающихся умов и талантов, мне всегда вспоминался отец: отчего же он не погиб, отчего не опустился до обывательщины, до выпивок и карт в клубе? отчего до конца дней сохранил свою живую душу?» [4, с. 11]. Помимо сугубо стилистической функции риторических вопросов, которая является вполне прозрачной, следует обратить внимание на то, что Вересаев в данном отрывке полемизирует с А. П. Чеховым. Многие фрагменты исследуемого текста являются словно бы античеховскими по своему идейному наполнению. То, что Чехов считал обычным для людей с университетским образованием, попавших в губернский или уездный город (вспомним, например, рассказ «Ионыч»), Вересаев оспаривает, и провинциальную жизнь рисует в прямо противоположном ключе. Это противопоставление становится еще более очевидным, если принять в расчет, что отец Вересаева, как и многие чеховские «заблудившиеся интеллигенты», являлся врачом.

Нередко изумляющие или удивляющие автора факты сопровождаются в «Воспоминаниях» использованием риторических восклицаний. Например, финансовые неудачи своего весьма трудолюбивого семейства Вересаев не может ничем объяснить. Он с горечью восклицает: «Странное дело!» [4, с. 15], повторяя это восклицание несколько раз.

Как в лучших образцах художественной литературы, в «Воспоминаниях» Вересаева могут использоваться различные комбинации риторических приемов, которые создают особые стилистические вкрапления в общем повествовательном развертывании текста. В частности, говоря о круге своего чтения, автор вспоминает, как с увлечением пересказывал отцу содержание романа Майн Рида «Охотники за черепами». Этот довольно обширный и стилистически оригинальный фрагмент воспоминаний начинается и заканчивается восклицанием *Вот потеха!*, а в его середине содержится обилие других восклицательных предложений, повествующих о диковинках первозданной североамериканской природы. Таким образом Вересаев совмещает собственно риторическую функцию восклицания с функцией рефрена. Такой прием можно считать одним из удачных образцов воспроизведения восторженного детского сознания.

Морфолого-грамматический строй текста отличается классической стройностью и выглядит современно даже спустя сто лет после его создания. Лишь отдельные фрагменты несут печать морфологической архаики и призваны служить стилизации речи уходящей эпохи. Для Вересаева, как и для Бунина, это эпоха расцвета дворянских усадеб и дворянской культуры в целом. Например, так семантически маркировано использование множественного числа отвлеченных и вещественных существительных: об отце – «у него всегда была масса *работ* и начинаний» [4, с. 13]; о пейзаже ближайших тульских окрестностей – «встают в воспоминаниях полевые просторы, медленные волны по желтеющим *ржам*, пыльная полынь...» [4, с. 103].

Заключение

Вересаев, как уже говорилось выше, объяснял нестройную композицию своих «Воспоминаний» желанием дать правдивые непосредственные впечатления, а не выверенную, обдуманную картину происходящего. «Разорванный» характер композиции свойствен многим воспоминаниям и не является оригинальным. Но есть черта, которая, безусловно, выделяет текст Вересаева из ряда подобных текстов, – это его особая дидактичность. Ею обусловлена возможность воспитательного использования «Воспоминаний» и в наше время. Почти всегда в рассказе о своих поступках (особенно поступках, имеющих какой-либо нравственный ущерб), Вересаев делает вывод о том, какое это оказало влияние на его последующую жизнь, чему это его научило. В частности, повествуя, как он дразнил слепого родственника Плещеевых – Николая Александровича, писатель отмечает, что в определенный момент в нем свершился акт внутреннего морального осознания низости своего поведения. Этот композиционный фрагмент завершается таким показательным размышлением: «После этого я перестал его дразнить. Испугался его? Нет. Стало стыдно за то, что я проделывал... Пойми, кто может» [4, с. 56]. Замечание *пойми, кто может*, безусловно, обращено к читателю и вполне достойно стать предметом обсуждения на занятиях по словесности.

Семья Смидовичей была осознанно «обращена» в сторону педагогики (*педагогии* – как ее называет автор). Именно поэтому многие страницы «Воспоминаний» в хорошем смысле слова *поучительны* и полезны для иных поколений. Например, при рассказе о том, что, увлекшись гимназическим балом, он не обратил внимания на пожар в той части города, где располагался их дом, за что потом был упрекаем отцом, Вересаев совершенно справедливо отмечает воспитательных характер подобных упреков.

В семье Смидович воспитывали лучшие качества личности, в том числе те, которых сейчас катастрофически не хватает: заботу друг о друге, взаимовыручку, уважение к родителям и потребность избегать высказываний и поступков, которые бы их обидели или встревожили. Именно в эту часть своих «Воспоминаний» Вересаев вводит нечастые для его стиля фразеологические ресурсы языка. Говоря о жизненном укладе своей семьи, автор замечает, используя пословицу: «Это проводилось у нас очень строго: *делу время, а потехе час*» [4, с. 110]. Мать, останавливая излишнее рвение, учит детей благородству и смирению (здесь также звучит устойчивая синтаксическая конструкция): «*Все в Божьей воле!* Господь захочет – все будет так, как надо» [4, с. 111]. Можно заключить, что ненавязчивая, мягкая дидактичность составляет не только содержательное, но и стилистическое достоинство «Воспоминаний» В. В. Вересаева.

Список источников и литературы

1. Беднарская Л. Д. О развитии синтаксических идей А. Н. Карпова в XXI веке // Тульский научный вестник. Сер.: История. Языкознание. 2024. Вып. 4 (20). С. 139–149. URL: http://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_20/139/ (дата обращения: 25.01.2025).

2. Большой академический словарь русского языка. Т. 23. М.; СПб.: Наука, 2014. 735 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2003. 1535 с.
4. Вересаев В. В. Воспоминания // Сочинения : в 4 т. Т. 4. М.: ОГИЗ, 1948. С. 5–362.
5. Виноградов В. В. История слов. М.: Ин-т рус. языка РАН, 1999. 1138 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. Репр. воспроизведение изд. 1907 г. М.: Терра, 1994. 1782 с.
7. Карпов А. Н. Поликомпонентные единства русской эмфатической речи : учеб. пособие. Тула: Тул. пед. ин-т, 1981. 81 с.
8. Ковтунова И. И. Порядок слов в русском литературном языке XVIII – первой трети XIX в. Пути становления современной нормы. М.: Наука, 1969. 232 с.
9. Левашов Е. А. История слов русского литературного языка XVIII – XX века. СПб.: Нестор-История, 2008. 230 с.
10. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. В 2 т. Т. 2. Репр. воспроизведение изд. 1912 г. М.: Терра, 1994. 779 с.
11. Сводный словарь современной русской лексики / под ред. Р. П. Рогожниковой. В 2 т. Т. 2. М.: Рус. язык, 1991. 740 с.
12. Словарь иностранных слов и выражений / сост. Е. С. Зенович. М.: Олимп, 2002. 780 с.
13. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. В 4 т. Т. 4. М.: ОГИЗ, 1940. 1500 с.
14. Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. В 2 т. Т. 2. М.: Цитадель, 1997. 396 с.
15. Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. М.: Худож. лит., 1977. 445 с.

References

1. Bednarskaya, LD 2024, ‘O razvitii sintaksicheskikh idey A.N. Karpova v XXI veke’ (On the Development of A. N. Karpov’s Syntactic Ideas in the 21st Century), *Tulskiy nauchnyy vestnik. Ser.: Istoriya. Yazykoznanie* (Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics), no. 4 (20), pp. 139–149, viewed 25 January 2025, http://tula-vestnik.ru/archive/vipusk_20/139/ (In Russ.).
2. *Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka* (Large academic dictionary of the Russian language) 2014, vol. 23, Nauka publ, Moscow, St. Petersburg. (In Russ.).
3. Kuznetsov, SA(ed.) 2003, *Bolshoy tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Large explanatory dictionary of the Russian language. Editor-in-Chief), Norint publ, St. Petersburg. (In Russ.).
4. Veresaev, VV 1948, ‘Vospominaniya’ (Memories), *Sochineniya V 4 t* (Writings in 4 vols), vol. 4, OGIZ publ, Moscow, pp. 5–362. (In Russ.).
5. Vinogradov, VV 1999, *Istoriya slov* (History of words), Institut russkogo yazyka RAN publ, Moscow. (In Russ.).
6. Dal, VI 1994, *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t.* (Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 vols), vol. 3, Terra publ, Moscow. (In Russ.).
7. Karpov, AN 1981, *Polikomponentnyye yedinstva russkoy emfaticheskoy rechi* (Polycomponent unities of Russian emphatic speech: textbook manual), Tul. ped. in-t publ, Tula. (In Russ.).
8. Kovtunova, II 1969, *Poryadok slov v russkom literaturnom yazyke XVIII – pervoy trety XIX v. Puti stanovleniya sovremennoy normy.* (Word order in the Russian literary language of the 18th – first third of the 19th century. The paths of formation of the modern norm), Nauka publ, Moscow. (In Russ.).
9. Levashov, EA 2008, *Istoriya slov russkogo literaturnogo yazyka XVIII – XX veka.* (History of words of the Russian literary language of the 18th – 20th centuries), Nestor-Istoriya publ, St. Petersburg. (In Russ.).
10. Mikhelson, MI 1994, *Russkaya mysl i rech. Svoye i chuzhoje. Opyt russkoy frazeologii. V 2 t.* (Russian thought and speech. One’s own and someone else’s. An experience of Russian phraseology), vol. 2, Terra publ, Moscow. (In Russ.).

11. Rogozhnikova, RP (ed.) 1991, *Svodnyy slovar sovremennoy russkoy leksiki* (Consolidated dictionary of modern Russian vocabulary), vol. 2, Rus. yazyk, publ, Moscow. (In Russ.).
12. Zenovich, ES 2002, *Slovar inostrannykh slov i vyrazheniy* (Dictionary of foreign words and expressions), Olimp publ, Moscow. (In Russ.).
13. Ushakov, DN 1940, *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* (Explanatory dictionary of the Russian language), vol. 4, OGIZ publ, Moscow. (In Russ.).
14. Fedorov, AI 1997, *Frazeologicheskiy slovar russkogo literaturnogo yazyka* (Phraseological dictionary of the Russian literary language), vol. 2, Tsitadel publ, Moscow. (In Russ.).
15. Chicherin, AV 1977, *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo stilya* (Essays on the history of Russian literary style), Khudozh. lit. publ, Moscow (In Russ.).

Статья поступила в редакцию: 01.03.2025
Одобрена после рецензирования: 10.03.2025
Принята к публикации: 10.03.2025

The article was submitted: 01.03.2025
Approved after reviewing: 10.03.2025
Accepted for publication: 10.03.2025